

Избравъ тебя моею святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ.
Твоей любви я жду, какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ, я великъ...

Тебя я, вольный сынъ эмира,
Возьму въ надвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участія
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?—
Волненье крови молодое!—
Но дни бѣгутъ, и стынетъ кровь.
И пусть другіе бѣ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ:
Ихъ думы неба не касались,
Мірѣ лучшій недоступенъ имъ,
Но ты, прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена;
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву звѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной.
Его усыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обвою;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтара;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное—
Люби меня!..

XI.

— И онъ слегка

Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ,
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
Онъ жегъ ее; во мракѣ ночи,
Надъ нею прямо онъ сверкалъ,
Неотразимый, какъ кинжалъ.

Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ кровь ея проникъ...
Мучительный, но слабый крикъ
Ночное возмущилъ молчанье...
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой...

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугуною доской;
И подъ окошкомъ дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугуною,
Смутясь душой, остановилъ,
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Чуть внятный крикъ и слабый стонъ...

И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье—
И смолкло все; издалика
Липъ дуновение вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святого
Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитатъ,
Чтобъ наводjenje духа злого
Отъ грѣшной мысли отогнатъ;
Крестить дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Вѣлѣй и чище покрывала
Былъ блѣдный видъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто бѣ, взглянувши не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но бесполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали...
Нѣтъ, смерти вѣчную печатъ
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!
Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго уцѣля
[Такъ древній требуетъ обрядъ]
Надъ нею лютъ свой ароматъ,